

Парижскія воспоминанія.

(Всемирная выставка 1869 г.—Наполеонъ III и поляки.—Пребываніе Александра II въ Парижѣ и покушеніе Березовскаго.—Протестантизмъ въ Парижѣ и у насъ.—Франко-прусская война 1870 г.—Замѣчаніе Ф. И. Тютчева о значеніи Седанской битвы для Франціи.)

Въ самага моего дѣтства мнѣ пришлось жить и бывать въ Парижѣ почти непрерывно до послѣдняго времени. Я въ немъ жилъ то въ качествѣ мирнаго парижскаго гражданина „citoyen Paris“, какъ прозвали меня мои петербургскіе знакомые, то въ качествѣ корреспондента русскихъ газетъ, а именно: „Новаго Времени“, „Гласности“, „Вечерней газеты“ и др. За этотъ долгій періодъ времени, живя въ блестящемъ центрѣ западной цивилизаціи, мнѣ довелось встрѣчаться и видѣть не только много знаменитыхъ личностей, но и быть свидѣтелемъ крупныхъ историческихъ событій, совершавшихся во Франціи со времени паденія имперіи Наполеона III. Между прочимъ мнѣ удалось увидѣть въ Парижѣ всѣ бывшія въ немъ четыре всемирныя выставки 1867, 1878, 1889 и 1900 гг. Но самое интересное въ Парижѣ, по моему мнѣнію, это не столько внѣшнія событія, его касающіяся, сколько самый духъ ежедневной парижской жизни, то, что составляетъ самую душу парижскаго населенія, его идеалы, его нравы, его характеръ, радости и печали. Эту сторону жизни можно узнать только долгимъ пребываніемъ въ Парижѣ и благодаря совершенному знакомству съ французскимъ языкомъ. Тотъ, кто хочетъ узнать другую страну, другую націю долженъ во-первыхъ отрѣшиться отъ предвзятыхъ политическихъ симпатій и антипатій, во-вторыхъ, долженъ умѣть приспособиться къ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ. Я встрѣчалъ русскихъ, которые не взлюбили Парижа по слѣдующимъ причинамъ: одинъ потому, что въ

немъ нельзя достать русскихъ шей, другой потому, что въ немъ нѣтъ двойныхъ рамъ въ окнахъ, третій потому, что ему подали не вкусный обѣдъ въ ресторанѣ. И такихъ лицъ, выносящихъ свое сужденіе о всей странѣ по такимъ мелочамъ, гораздо больше, чѣмъ можно бы думать. И это не удивительно. Не многимъ дано узнать душу человѣка другой національности, когда душа эта скрыта подъ тройной броней: другого языка, другой исторіи и другихъ воззрѣній. Въ настоящемъ очеркѣ я не буду придерживаться какого-нибудь строго-хронологическаго порядка изложенія того, что меня болѣе поразило или интересовало изъ видѣннаго мною въ Парижѣ. Это просто рядъ пережитыхъ впечатлѣній за сорокъ лѣтъ парижской жизни.

Первая всемірная парижская выставка 1867 г. была какъ бы апоѳеозомъ имперіи Наполеона III. Всѣ государи Европы собрались на этотъ праздникъ мирнаго культурнаго соперничества и никому, конечно, не могло придти въ голову, что всего три года спустя маленькая Пруссія, какъ ее тогда еще называли, превратится въ грозную Германскую имперію, Франція сдѣлается республикой, а Наполеонъ III окончитъ жизнь въ безславномъ и горькомъ изгнаніи. Всемирная выставка 1867 г. была одна изъ самыхъ удачныхъ изъ всѣхъ бывшихъ впослѣдствіи выставокъ, во-первыхъ, потому, что она была новинкой въ этомъ родѣ развлеченій, а во-вторыхъ—по числу собравшихся по этому случаю въ Парижѣ коронованныхъ особъ съ ихъ блестящей свитой. Знаменитый царь вальса Іоганъ Штраусъ нарочно сочинилъ и въ первый разъ сыгралъ во главѣ своего оркестра свой извѣстный вальсъ „An der blau Donau“ при открытіи выставки.

Звуки этого вальса съ этого времени обошли весь свѣтъ. Вообще эта первая выставка носила особенный характеръ какого-то всемірнаго братства. Многие вѣрили, что положено начало для новыхъ международныхъ отношеній, гдѣ соревнованіе между націями будетъ выражаться впредь исключительно на почвѣ труда и промышленнаго прогресса. Состоявшее при выставкѣ библейское общество распространяло безвозмездно въ публикѣ въ количествѣ милліоновъ экземпляровъ переведенные на разные языки отрывки изъ Библии и Евангелія, а также отдѣльные рассказы, въ видѣ изящно переплетенныхъ маленькихъ брошюръ. Общество поручало дѣтямъ дѣло распространенія этихъ брошюръ среди публики, и мнѣ доставляло большое удовольствіе принимать участіе въ этой мирной пропагандѣ. Между распространяемыми такимъ образомъ душеспасительными книжками особенно пользовался успѣхомъ символическій рассказъ изъ русской жизни подъ названіемъ „Вѣрный

слуга“, въ которомъ русскій крѣпостной, чтобы спасти своихъ господъ, ѣдущихъ въ саняхъ въ зимнюю ночь, преслѣдуемыхъ голодными волками, жертвуетъ собой и бросается изъ саней на растерзаніе волкамъ.

Во время парижской выставки полякъ Березовскій совершилъ покушеніе на жизнь Императора Александра II. Событія 1863 года въ Польшѣ были причиной того, что Парижъ наводнила масса польскихъ бѣглецовъ. Наполеонъ III игралъ въ либерализмъ и на словахъ, конечно, выражалъ свое сочувствіе Польшѣ.

Мицкевичъ получилъ казенное мѣсто профессора славянской литературы въ Сорбоннѣ, и польская эмиграція вѣрила, что Франція активно заступится за Польшу. При какомъ-то официальном приѣмѣ, адвокатъ Флокэ, впоследствии председатель французской палаты депутатовъ и прославившійся своимъ участіемъ въ скандальномъ дѣлѣ Панамы, обратился къ Александру II съ такими словами: „Vive la Pologne, Monsieur!“.

Вообще французское правительство, опьяненное внѣшнимъ блескомъ Наполеоновскаго царствованія, не знало предѣловъ своему высокомерию и самообольщенію. При такихъ обстоятельствахъ совершилось покушеніе Березовскаго. Александръ II ѣхалъ въ открытой коляскѣ съ Наполеономъ III въ Булонскомъ лѣсу. Какой-то человекъ выскочилъ на дорогу и выстрѣлилъ изъ револьвера въ коляску. Пуля однако задѣла только голову лошади адъютанта Наполеона III, ѣхавшаго верхомъ съ боку коляски. Говорили, что сейчасъ послѣ покушенія Наполеонъ III воскликнулъ: „это противъ меня—итальянецъ“. А Александръ II замѣтилъ, что вѣроятно покушался противъ него полякъ. Последнее оказалось вѣрнымъ.

Мнѣ пришлось присутствовать нѣсколько дней спустя на торжественномъ благодарственномъ молебнѣ, совершенномъ по этому случаю въ русской церкви въ улицѣ Дарю въ присутствіи коронованныхъ лицъ, Наполеона III и Вильгельма I, тогда еще бывшего только прусскимъ королемъ. Я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ французскаго императора и помню его блѣдное усталое лицо съ большими усами, омраченное загадочной грустью. Онъ уже тогда болѣлъ каменной болѣзью, которая унесла его въ могилу. Напротивъ, Вильгельмъ I, хотя старше годами, чѣмъ Наполеонъ, поражалъ своимъ здоровымъ и довольнымъ видомъ и подвижностью. Послѣ молебна онъ вышелъ на крыльцо церкви, окруженный приближенными, между которыми находился Бисмаркъ, и ждалъ нѣсколько минутъ приближенія экипажа. Для него блестящая пора его царствованія была еще вся впереди. Впоследствии я видалъ не разъ Императора Вильгельма въ Берлинѣ и всегда вспоминалъ его

въ той скромной роли, въ которой мнѣ пришлось его встрѣтить на Парижской всемірной выставкѣ въ 1867 году.

Въ молодые годы моего пребыванія въ Парижѣ мнѣ пришлось вращаться въ французскихъ протестантскихъ кружкахъ, представлявшихъ тогда большой интересъ вслѣдствіе выдающихся проповѣдниковъ, которые привлекали избранную публику. Между такими проповѣдниками отмѣчу: Берсье, основатель свободной церкви въ Парижѣ, Кулэнъ, привлекшій массу слушателей рядомъ блестящихъ по изложенію проповѣдей на тему: „Сынъ человѣческой“ и Прессансэ пасторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторъ, отецъ извѣстнаго журналиста и депутата. Всѣ эти проповѣдники имѣли сильное вліяніе на политику, направляя ее въ либеральное русло. Они встрѣчали противодѣйствіе въ католическихъ клерикальныхъ сферахъ. Но Парижъ время вареоломеевской ночи и преслѣдованія гугенотовъ давно пережилъ періодъ религіозной нетерпимости, и въ настоящее время нѣтъ націи, болѣе терпимой къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, какъ французы. Нѣсколько лѣтъ назадъ можно было видѣть одного французскаго депутата, принявшаго магометанство, производящаго передъ тѣмъ, чтобы войти въ зданіе парламента, омовеніе на берегу Сены на глазахъ равнодушной уличной толпы. Изъ названныхъ проповѣдниковъ особенно славился Берсье, очень извѣстный среди тогдашней русской колоніи.

Не могу не упомянуть, говоря о французскомъ протестантизмѣ, о замѣчательной женщинѣ г-жѣ Андрэ, жившей въ Версалѣ въ чудномъ собственномъ домѣ и занимавшейся исключительно, если можно такъ выразиться, активной религіозной пропагандой. Это была старая, но жизнерадостная дама, очень богатая вдова, посвятившая остатокъ своей жизни дѣланію добра и молитвѣ. Въ ея виллѣ „Ля Розере“ каждое воскресенье собиралось большое общество вмѣстѣ съ простымъ народомъ и день проходилъ въ пѣніи гимновъ и въ проповѣдяхъ. Мы часто бывали на этихъ собраніяхъ, отличавшихся рѣдкимъ оживленіемъ и радушіемъ и оставлявшихъ впечатлѣніе религіозныхъ собраній первыхъ временъ христіанства, откуда были изгнаны всякія формальности, и гдѣ всякій, желавшій излить свои чувства, имѣлъ свободный доступъ на кафедру. У г-жи Андрэ были уже взрослые сыновья и дочери высокопоставленные въ парижскомъ свѣтскомъ обществѣ и которые также принимали живое участіе въ этихъ религіозныхъ собраніяхъ. Въ нихъ не было политической подкладки, но бѣдные и богатые соединялись въ одномъ молитвенномъ настроеніи. Тотъ же характеръ свободной религіозной проповѣди проявился впоследствии въ учрежденной генераломъ Бутсомъ „Арміи спасенія“, а у насъ въ сектѣ „Паш-